

Е. М. СЕНЧЕНКОВА

ЗАСЕДАНИЯ ПАМЯТИ ДМИТРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА САБИНИНА (1889–1951)

С годами все более осознается высокая значимость творческой деятельности безвременно ушедшего из жизни выдающегося физиолога и биохимика растений Д. А. Сабина. Обстоятельства трагической кончины ученого и запрет на публикацию его трудов после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., когда от него отстранилось большинство знавших его людей, не смогли стереть память об этом романтике и, как показало время, — классике науки.

Начиная с 1954 г. по инициативе учеников и соратников Сабина, когда было отмечено 65-летие со дня его рождения, в последующем почти каждые пять лет научная общественность Москвы проводила заседания памяти ученого, особенно широко отметив его 100-летний юбилей в 1989 г. После кончины Сабина не без труда удалось издать некоторые из его рукописей, ранее запрещенные к публикации, а также сборники воспоминаний и работ о нем (см. [1; 2]).

На заседаниях в честь 110-летия со дня рождения ученого 30 ноября 1999 г. и в ознаменование 50-летия со дня его кончины 25 апреля 2001 г. в Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке РАСХН собрались родственники Сабина, его ученики, последователи и коллеги из Московского университета, Института физиологии растений РАН, Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Института истории естествознания и техники РАН и других учреждений, а также актив читателей ЦНСХБ. Хотя состав участников этих двух заседаний был сходным, тематика сообщений в значительной мере отличалась и не повторялась. В первом случае в центре внимания были воспоминания о Дмитрии Анатольевиче, а в другом — обсуждение значимости творческой деятельности Сабина и развития его идей в наши дни.

Ноябрьское заседание 1999 г. открыл С. Э. Шноль. Весной 1947 г., бу-



Д. А. Сабинин

дучи студентом третьего курса МГУ, он оказался на лекции Д.А. Сабинина и удивился той глубине знаний физических и физиологических процессов, на базе которых лектор объяснял механизм действия устьиц листьев растений. Еще большее впечатление оставило у него выступление Сабинина в начале ноября 1947 г. в большой аудитории МГУ с осуждением так называемой теории стадийного развития растений Т. Д. Лысенко и критикой лысенковщины в целом с ее отрицанием генетики как науки. Сабинин решительно заявил тогда: «Я сорок лет говорил студентам правду, а мне теперь предлагают врать, чего я не хочу делать». Неудивительно, что его увольнение из МГУ последовало незамедлительно после августовской сессии ВАСХНИЛ уже в августе 1948 г.

Одна из его учениц и соратниц М. Г. Зайцева, ныне сотрудница ИФР РАН, рассказала об обстоятельствах выбора ею специальности по физиологии растений, о знакомстве с Сабининым, впечатлениях от общения с ним и о его руководстве работой как в стенах университета, так и в экспедициях на Памир. Вспоминала о трудностях военных лет и времен лысенковщины, а также о печальных обстоятельствах увольнения Сабинина из МГУ.

Ю. Л. Цельникер вначале училась, а затем более 10 лет работала под руководством Дмитрия Анатольевича. И одной из особых черт его характера считала способность идти против течения: так, при официальной установке уделять преимущественное внимание отечественным приоритетам в науке Сабинин продолжал следить за успехами зарубежных исследователей, с наиболее значимыми достижениями знакомил студентов на лекциях и семинарах, цитировал эти работы в своих публикациях. В частности, им были особо отмечены методы выделения субмикроскопических структур клетки, без чего не могла бы родиться молекулярная биология. Сабинин искренне радовался, когда студент ему противоречил и завязывался научный спор, после чего он мог с удовлетворением сказать: «Оказывается, ребенок-то с мозгой!». Иногда на лекциях студентам задавалась задача: профессор рисовал график из какой-либо работы и просил назвать ее автора.

Цельникер рассказала о знакомстве с архивными материалами Сабинина и о найденной там копии его письма А. А. Жданову в защиту профессора А. Р. Жебрака — президента Академии наук БССР, заведовавшего кафедрой генетики ТСХА. С. Э. Шноль пояснил остроту сложившейся тогда ситуации. В августе 1947 г. некий публицист Г. Фиш напечатал в «Литературной газете» обличительную статью об антисоветских действиях Жебрака «вместе с реакционными зарубежными учеными», а через три дня по указанию секретаря ЦК партии М. А. Суслова в «Правде» появилась еще более разгромная статья на ту же тему — экономиста И. Д. Лаптева. И только два человека — Д. А. Сабинин и И. А. Рапопорт выступили тогда в защиту Жебрака.

С воспоминаниями об отце выступил Константин Дмитриевич Сабинин (род. 1930) — доктор физ.-мат. наук, заведующий одной из лабораторий Акустического института РАН. Научные интересы отца и сына были разными, общение в этом плане было ограниченным, но как человек отец производил на него большое впечатление. Основной чертой Дмитрия Анатольевича был большой демократизм, причем не только в отношении студентов или младших коллег, но и вышестоящих лиц. Известно, что член правительства А. И. Микоян не отличался деликатностью и ко всем обращался на «ты», однако с Д. А. Сабининым он разговаривал на «вы». Когда сын попросил объяснить причину такого поведения, отец пояснил: «Потому что Микоян знает, что при обращении ко мне на “ты” я так же обращаюсь к нему». Сабинин-старший был романтик, особенно в отношении моря, так что и сын захотел стать моряком, но отец мягко отговаривал от такого решения,

хотя при этом устроил его работать на судно. Только тогда сын на собственном опыте осознал существенные различия между моряком и мореплавателем.

Известная актриса В. Л. Талызина прочитала ряд писем Д. А. Сабинина, адресованных жене Е. Г. Мининой из различных городов мира за 1927, 1930, 1935 и 1936 гг., и отрывки из его писем более позднего периода. Остроумием, юмором и мудростью были насыщены афоризмы и высказывания Сабинина по различным поводам.

Доцент МГУ Н. Д. Алехина сравнила некоторые научные публикации Сабинина с романтической прозой. Наиболее близки ей самой труды Сабинина по минеральному питанию растений, т. е. по той проблематике, которой были посвящены ее собственные исследования. По убеждению Алехиной, после научных изысканий Сабинина в этой области не было сделано ничего принципиально нового. Многие открытия он предугадал, а многие развивавшиеся им представления затем были переоткрыты за рубежом.

М. Г. Зайцева заметила, что зарубежные исследователи не знали о научных воззрениях Сабинина, так как он не публиковал «мелкой лапши», а работал над монографиями, которые иностранцы не могли прочитать, не зная русского языка. Здесь можно было бы заметить, что в самые плодотворные для научного творчества 1930–1940-е гг. Сабинину, владевшему пятью иностранными языками, печататься за рубежом было небезопасно.

Профессор А. Н. Тюрюканов поделился своими воспоминаниями о детских годах, когда он дружил с сыном Сабинина Костей и был вхож в их семью. Дмитрий Анатольевич был образцом интеллигентности и эрудиции. В частности, он весьма основательно знал зоологию. Выступавший рассказал, что в те времена он смог получить книги Альфреда Брема о жизни животных только из домашней библиотеки Сабинина, и что Дмитрий Анатольевич провел с ним также серьезные консультации, например, при подготовке доклада о слонах.

Э. Н. Мирзоян (заведующий Отделом истории химии и биологии ИИЕТ РАН) рассказал, что ему довелось соприкоснуться с ранее неизвестными материалами о жизни и деятельности Сабинина в связи с рецензированием сборника воспоминаний о нем его учеников (см. [2]). В книге особенно привлекли внимание воспоминания Марины Дмитриевны — дочери Сабинина, в частности, ее справедливое замечание о том, что честность и порядочность «входили в моральный кодекс, обязательный для каждого русского интеллигента, а отец по крови, воспитанию, духу семьи был настоящим русским интеллигентом». В трудные годы, пережитые биологами нашей страны, Сабинин проявил эти лучшие свои качества ученого и человека, смело отстаивая научную истину и права ученого в обществе.

После злополучной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. уволенный с работы из университета и Московского педагогического института, Сабинин с большим трудом смог занять в 1949 г. место и.о. директора черноморской биостанции «Голубая бухта» создаваемого Института океанологии. Некоторые факты его жизни на этой станции около Геленджика имеются в воспоминаниях Г. М. Чихачевой [1, с. 28–30; 2, с. 216–218]. Ее брат И. М. Чихачев, тогда студент второго курса МЭИ, приехал к сестре на каникулы в июле–августе 1950 г. и имел возможность общаться с Сабининым. Он рассказал, что к помощи Сабинина прибегали пограничники, работники окрестных колхозов и совхозов, строители морского причала в бухте и с какой готовностью тот оказывал ее. С особым вниманием и заботой профессор относился к сотрудникам и студентам-практикантам. Вместе с ними Чихачев участвовал в поездках на шлюпках для забора воды в разных районах моря, поднимался в горы и сумел живо обрисовать поведение Сабинина в этих походах, его остроумие, участливое отношение к людям, особенно к молодежи.

В 1950 г. на кафедру физиологии растений МГУ пришла Л. Г. Косулина, которая всегда очень сожалела, что уже не застала там Сабинина, но с удовлетворением отмечала, что творческий дух научного поиска и созданная им атмосфера человеческих отношений бережно сохранялись работниками кафедры. Из их рассказов о Сабинине Косулина узнала многое о нем. Ей объяснили причину авторитета и известности лекций профессора, рассказали о его способности щедро делиться своими идеями с теми, кто действительно желал их разрабатывать. Сам он предвидел наиболее перспективные проблемы физиологии растений, предсказал открытие цитокинина, внес большой вклад в проектирование станции микроклимата, создание которой позволяло более глубоко изучить в лабораторных условиях эндогенные ритмы у растений.

Сотрудник ИФРРАН Г. В. Лебедев, также лично не знавший Сабинина, рассказал, что в их институте работает младшая дочь Сабинина Елена Дмитриевна (род. 1940) и о том, какое содействие оказывалось ее научному росту. Вначале Е. Д. Минина исполняла обязанности лаборанта, затем выросла в самостоятельного исследователя, работавшего с тяжелой водой и физиологически активными соединениями, имеющими большое практическое значение.

Особое внимание привлекло к себе выступление старшей дочери Сабинина Марины Дмитриевны Сабининой (род. 1919)*. Она заметила, что поведение отца определялось критериями, характерными для русской интеллигенции, прежде всего открытостью в своей жизни. Несмотря на многие трудности, он всегда был настроен на радость, прекрасно чувствовал искусство, восхищался игрой арфистки Н. Дерлиак, которая нередко выступала с М. Л. Ростроповичем, и называл ее «голубым цветком романтизма». Сабинина поделилась своими воспоминаниями о некоторых путешествиях, в которые отец брал ее с собой и о которых подробнее рассказала в опубликованных воспоминаниях [2, с. 40–49]. Марина Дмитриевна заметила, что обвинения, высказанные в адрес И. Д. Папанина, несправедливы. И. Д. Папанин не был противником принятия Сабинина на работу в «Голубую бухту», их обоих объединяла любовь к морю. Приписывать полностью В. Г. Богорову заслугу устройства отца на работу в геленджикскую биостанцию нет оснований, так как без помощи Папанина Богоров ничего не смог бы сделать**. Хотя Папанин был и не очень грамотным человеком, Дмитрий Анатольевич притягивал его своей неординарностью. Папанин сделал много доброго, и нельзя столь неправильно оценивать его отношение к Сабинину. В этом вопросе должна быть правда. В заключение М. Д. Сабинина выразила глубокую благодарность всем организаторам заседания.

М. Г. Зайцева сообщила, что только благодаря Папанину удалось издать в 1955 г. книгу Сабинина, которая была подготовлена к публикации еще в 1948 г., но после августовской сессии ВАСХНИЛ типографский набор был рассыпан. Своим выходом из печати книга обязана именно Папанину.

Заключительным стало выступление бывшей сотрудницы кафедры физиологии растений МГУ Е. П. Нечаевой, отец которой П. Н. Нечаев был слушателем лекций Сабинина в Пермском университете. От своего отца дочь слышала рассказы

* Марина Дмитриевна Сабинина скончалась 1 июня 2000 г.

** Имеются в виду статьи журналиста Л. Репина «Выстрел» и «Эхо выстрела», опубликованные в газете «Московская правда» 18 июня и 17 ноября 1988 г., где идет речь о помощи Сабинину в 1948–1949 гг. со стороны гидробиолога В. Г. Богорова (1904–1971), который в 1941–1960 гг. работал заместителем директора Всесоюзного института рыбного хозяйства и океанографии, а с 1961 г. заведовал лабораторией планктона в Институте океанологии АН СССР.

о профессоре, его отношении к студентам и сотрудникам. Запомнился рассказ о том, как студенты-выпускники при участии Сабинина устраивали ночной пикник у костра на берегу Камы. На пикник Нечаев отправился в рубашке без пиджака, но уже на переправе заметно похолодало. Тогда Сабинин решительно отдал ему свое пальто, которое осталось на плечах студента вплоть до возвращения в город.

С семьей Нечаевых в тесной дружбе была студентка Пермского университета, а затем соратница Сабинина по МГУ Ольга Михайловна Трубецкова (1902–1973), с которой довелось работать и самой Нечаевой. Последняя рассказала о том гражданском подвиге, который совершила Трубецкова по сохранению, а затем и поэтапной публикации рукописей Сабинина после его кончины. В их числе были и те работы, которые были подготовлены к печати или уже печатались, но после 1948 г. по указанию высших властей должны были подвергнуться ликвидации. Копии работ по частям были розданы Трубецковой на сохранение нескольким ученицам Сабинина. Позже эти работы вновь были ею собраны, готовились к печати, а затем годами Трубецкова с помощью различных лиц добивалась их публикации, о чем свидетельствует ее переписка с Нечаевой. Только благодаря самоотверженности этой необыкновенной женщины смогли увидеть свет монографии Сабинина в 1955, 1963 и 1971 гг. По ее инициативе организовывались и проводились юбилеи Сабинина, на которых она выступала с докладами, а сохраненное ею рукописное наследие учителя теперь передано в Архив РАН и ждет продолжения работы с ним.

В последующем было высказано предложение возродить академическую традицию, когда научная значимость того или иного ученого подытоживалась в связи с датой, завершившей его деятельность. Было решено продолжить разговор о творческом наследии Сабинина на заседании, посвященном 50-летию его трагической кончины. Такое заседание состоялось 25 апреля 2001 г. также в Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке РАСХН.

Доцент МГУ Л. Н. Косулина в своем докладе обозначила основные вехи биографии и творческой деятельности Сабинина. Дана была характеристика первых этапов его жизни в Петербурге до 1917 г., в Перми (1918–1929) и Ташкенте (1929–1931), когда складывались и оттачивались исследовательские, педагогические и организационные способности молодого профессора (с 1923 г.). Особое внимание докладчик уделил самому плодотворному, московскому периоду деятельности Сабинина, начавшемуся с 1931 г. в НИИ по удобрениям, где состоялось его личное знакомство и сотрудничество с Д. Н. Прянишниковым. В 1932 г. руководимую Сабининым лабораторию по физиологии растений перевели во вновь организованный Всесоюзный институт удобрений, агрохимии и агропочвоведения, где он продолжил исследования по биологическому азоту и симбиозу клубеньковых бактерий с бобовыми растениями, и это обратило на себя внимание не только ученых, но и агропрактиков.

Тогда же Сабинина пригласили возглавить кафедру физиологии растений в МГУ. Если предшествующие профессора кафедры К. А. Тимирязев, Ф. Н. Крашенинников и А. А. Рихтер занимались преимущественно фотосинтезом, то при Сабинине проблематика исследований кафедры значительно расширилась. Сам он читал курсы «Физиология минерального питания» и «Рост и развитие растений», а его лекции, глубокие по содержанию, с новейшими научными данными и критическими суждениями лектора, привлекали слушателей с других кафедр и факультетов. Особым вниманием кафедральные семинары с обсуждением идей, генерируемых их руководителем, пользовались также и у физиологов и биохимиков растений других учреждений. Косулина вспомнила, как ее учитель Н. Г. Потапов рассказывал, что Сабинин приходил на семинары с рюкзаком книг, которые раздавал участникам, и новые сведения делал предметом обсуждения. Эти семинары были

прекрасной школой для научного роста студентов, аспирантов и преподавателей, знаменуя «золотой век» в истории кафедры.

Значительная часть доклада была посвящена характеристике научных направлений, разработку которых на кафедре возглавил Дмитрий Анатольевич. Классическими стали его труды по физиологии питания растений и роли при этом корневой системы, по проблеме проницаемости, поглощения, превращения и выделения веществ. Темами исследований были клеточная физиология, протоплазматика, структура протоплазмы, ее динамичность, роль белков и органических кислот в ее структурообразовательном процессе. При расшифровке структуры мембраны протоплазмы Сабинин одним из первых понял, как это важно для объяснения не только структуры клетки, но и физиологии процесса поглощения ею веществ. В его работах впервые было дано классическое определение понятий роста и развития растений.

В противовес лысенковским положениям о характере стадийного развития растений еще до августовской сессии ВАСХНИЛ Сабинин утверждал, что на рост и развитие растений воздействуют эндогенные ритмы, которые определяются геномом и доказал влияние нуклеиновых кислот на эндогенную ритмику ростовых процессов, а также важную роль при этом антиметаболитов и ингибиторов. Он предсказал место синтеза и гормональную природу веществ, которые затем назвали цитокинами, а проблема половой детерминации рассматривалась им как часть более объемной проблемы развития растений.

Смелость и бескомпромиссность Сабинина особенно проявились в печальном 1948 г., когда на сессии ВАСХНИЛ он выступил в защиту не только генетики, но и чести ученого, сказав в заключительном слове, что никогда не поддерживал и не будет поддерживать так называемое учение Лысенко. Сабинин сразу был уволен из МГУ за «реакционные и антинаучные идеи». Попытки устройства на работу в Москве не имели успеха. Многие хотели взять его на работу в свои учреждения, но опасались гнева Лысенко. Только Папанин решился предложить Сабинину место работы и. о. директора геленджикской биостанции «Голубая бухта» при создающемся Институте океанологии. Вначале ученый был преисполнен энтузиазма, приступив к своим обязанностям в 1949 г., однако последующее освобождение его от занимаемого поста и некоторые другие причины вызвали глубокую депрессию и привели к трагическому концу.

В заключение доклада были обозначены те направления исследований, которые были предложены учениками Сабинина в МГУ, и перечислено то, что сделано ими для сохранения памяти о своем учителе у последующих поколений студентов и работников кафедры. Теперь уже с полным правом можно говорить о существовании сабининской школы физиологов растений.

По существу, продолжением основного доклада стало последующее выступление профессора той же кафедры МГУ Н. Д. Алехиной с рассказом о ее восприятии творческого наследия Сабинина, а также отношении к нему университетских коллег. В 1989 г., когда отмечалось 100-летие со дня его рождения, Ученый совет биофака МГУ учредил ежегодную премию имени Д. А. Сабинина. Критериями работ, выдвигаемых на премию, служили те качества, которые были свойственны исследованиям самого юбиляра, — глубокий анализ проблемы, творческое предвидение, философское обобщение, доходчивое изложение основной идеи, стремление увлечь ею и научить других добросовестному отношению к проведению аналогичных работ. С 1990 г. такой конкурс стал объявляться по отдельным публикациям, монографиям или учебным пособиям преподавателей биофака МГУ, а затем и работ молодых специалистов. К настоящему времени он объявлялся дважды по физиологии растений, ботанике, экологии, биологии развития, морской биологии,

теоретической биологии и учебным пособиям. Сама Алехина получила такую премию в числе первых авторов по конкурсу 1990 г. за цикл работ по физиологии растений, связанных с теми двумя спецкурсами, которые она читала студентам по минеральному питанию и азотному обмену растений. Результаты своих исследований и других коллег она изложила на Ученом совете в докладе о трудах Сабинина в этой области и последующему развитию его идей (см.: [3]).

Примером того, насколько идеи Сабинина были новаторскими по названной проблематике, могут служить его утверждения, что корень — это сложная лаборатория взаимосвязанных метаболических процессов с участием и превращением многих веществ. К сожалению, экспериментальные доказательства этой идеи в свое время не были опубликованы, а теперь ее аналоги приходят к нам из-за рубежа. Так, 24 апреля 2001 г. в Институте физиологии растений прошли Чайлахяновские чтения с докладом бельгийского профессора Ж. Бернье «Дистанционные сигналы при индукции цветения и активация генов, контролирующих эвокацию цветения». Поразило сообщенное докладчиком его открытие синтетической роли корней в круговороте веществ растения и значения взаимодействия надземных органов растений и корней при процессах регуляции в целом организме, причем данная проблематика решалась с использованием метода сбора и анализа пасоки. Эти положения и методические приемы их обоснования были развиты Сабининым еще в 1940-х гг. при синтезе знаний об обмене веществ при корневом питании с разработкой проблемы роста и развития растений. Еще тогда он установил, что от продуктов синтеза в корнях зависят процессы цветения, а автотрофность связана не только с фотосинтезом листьев растений, но и с функционированием корней. За рубежом гостю эти работы Сабинина не были известны. А они свидетельствовали о том, что растение — это единый организм, и лишь логически процессы жизнедеятельности растений разделяются по разным научным областям морфологии, анатомии, физиологии и биохимии растений. После доклада развернулась дискуссия о заслугах отечественных ученых, которые не умеют пропагандировать свои идеи и разработки, особенно за рубежом.

Далее на заседании была просмотрена видеозапись выступления профессора Университета им. Д. Мейсона (США) В. Н. Сойфера, которая была прислана из пригорода Вашингтона. Сойфер рассказал об обстоятельствах его первого знакомства с именем Сабинина, а затем — с его трудами. Как молекулярный биолог и генетик, изучавший действия радиации и химических веществ на генные структуры, открывший репарации ДНК у растений и физико-химическую структуру нуклеиновых кислот, Сойфер отметил, что подходы к раскрытию и решению ряда физиологических проблем Сабининым опережали их понимание его современниками. Это касается, в частности, таких проблем, как баланс ионов, природа и значение клеточных мембран, возможность управления ростом и развитием растений. Сабинин одним из первых приступил к изучению функционирования растений на молекулярном уровне. К сожалению, этому талантливому человеку пришлось жить и работать в годы властвования людей малограмотных и ожесточенных, чьи запреты не давали возможности оповестить мировую науку о трудах этого ученого. Если бы работы Сабинина были опубликованы на иностранных языках, его имя было бы в ряду мировых научных авторитетов. Сойфер выразил свое отрицательное отношение к состоянию биологии в период лысенковщины и обратил внимание на морально-нравственные аспекты этой проблемы. Не было ни одного серьезного биолога, который стоял бы на позициях Лысенко, но лишь немногие, как Сабинин, открыто говорили об этом. Большинство предпочло конформизм, нередко ради сохранения от ликвидации руководимых коллективов. Сабин-

нин выступал против Лысенко от себя лично, но его сил и усилий немногих единомышленников, конечно, было недостаточно для ниспровержения авторитаризма в науке. И в этом отношении он опередил свое время.

Воспоминания ученицы Сабинина М. Г. Зайцевой вернули присутствующих к годам деятельности Сабинина в МГУ с конца 1930-х гг. Зайцева характеризовала своего учителя как биолога в широком смысле слова, подтвердив это примерами его деятельности как лабораторного экспериментатора, так и зоркого наблюдателя в природных условиях. Последнее особо проявилось в годы эвакуации университета в Ашхабад, при поездках Сабинина с группой студентов в пустыню Кара-Кум и горы Копет-Дага для поиска полезных для пищевой промышленности растений, богатых органическими кислотами. Этот и более поздний период учебы Зайцевой в аспирантуре, когда она вместе с Сабининым работала на Памирской биостанции летом 1946 г., а также другие события описаны ею в сборниках воспоминаний о Сабинине [1, с. 121–130; 2, с. 181–189]. Кроме того, Зайцева рассказала о последней встрече с Сабининым, когда он, уже работая в Геленджике, все же приехал в Москву просить академика А. И. Опарина, возглавлявшего Биологическое отделение Академии наук, помочь получить работу в любом вузе. Опарин встретил опального профессора оживленно и с расположением, но при повторной встрече был уже отчужденным и быстро попрощался с ним, отказав в помощи. Неудивительно, что у Сабинина возникла депрессия по возвращении в Геленджик, что и привело к трагическому концу.

Сотрудница ИИЕТ РАН Е. М. Сенченкова дополнила последний эпизод воспоминаниями М. М. Завадовского, о которых рассказала его дочь Марина Михайловна Завадовская-Сачина. В тот приезд в Москву Сабинин встретился с Завадовским, вероятно, после отказа в помощи со стороны Опарина. Находясь около здания биофака МГУ, Сабинин в подавленном состоянии гладил рукой его стену, а на прощание обнял эту стену, как живую, и на глаза его навернулись слезы. Действительно, в этих стенах прошли лучшие годы его творческих исканий, педагогической и организационной деятельности. Уважая заслуги своих предшественников на кафедре, в частности К. А. Тимирязева, Сабинин не только сохранил его приборы, связанные с исследованиями фотосинтеза, но и выделил для них специальное помещение для демонстрации студентам. После переезда биофака в 1953 г. с Моховой улицы на Ленинские горы собранная Сабининым коллекция тимирязевских приборов сохранялась в отдельной комнате под присмотром С. С. Баславской и Ф. З. Бородулиной. Благодаря последним Сенченкова ознакомилась с этой коллекцией и частично описала ее в журнале «Наука и жизнь» (см.: [4]). Вскоре помещение использовали для другой цели, а приборы, препараты и другой мемориальный материал сдали в Музей МГУ, точнее, в порушенном и бесхозном виде свалили в подвал одного из гуманитарных факультетов Университета, где они уже более четверти века валяются неприкаянными, вызывая раздражение хранителей. В прошлом году часть приборов была извлечена из подвала и показана участникам Тимирязевских чтений в ИФР РАН. Все материалы собранной Сабининым коллекции готов взять на хранение и для показа в экспозиции Биологический музей им. К. А. Тимирязева, но МГУ пока не готов их отдать. В Архиве РАН и у родственников Сабинина сохранился ряд его неопубликованных рукописей, например, Ломоносовская лекция, которую он должен был прочитать в МГУ осенью 1948 г. Сенченкова предложила организовать под эгидой ИИЕТ РАН издание одного из томов «Научного наследия», включив в него, наряду с рукописями Сабинина, ранее не публиковавшиеся воспоминания о нем, в их числе те, которые прозвучали на памятных заседаниях 1999–2001 гг.

Выступившие далее заведующий кафедрой физиологии растений доцент И. Г. Тараканов и его отец академик РАСХН Г. И. Тараканов, заместитель директора ВИУА академик РАСХН В. Ф. Ладонин, выпускница МГУ Н. С. Данилова и ученый секретарь Института гематологии В. Д. Реук говорили о своем отношении к Сабинину как ученому и человеку, хотя лично не были с ним знакомы, а также о том, как его идеи передавались от поколения к поколению ИСХА, МГУ, ВИУА и в других учреждениях, а также о том, какими путями эти идеи реализовывались. Реук предложил дать диссертационную тему аспиранту ИИЕТ по углубленному изучению жизни и творчества Сабинина с выявлением и анализом всех его неопубликованных рукописей.

Каждый из выступавших мог рассказать что-то интересное о Сабинине, о чем им стало известно от старших коллег. В этом отношении показательным письмо бывшего сотрудника ИФР РАН профессора В. И. Кефели, присланное на заседание из США и озаглавленное «Веселый человек Дмитрий Сабинин». Приведем из него некоторые выдержки:

Дмитрий Сабинин был веселым человеком. Крассовский вспоминал, что он говорил — совместитель должен иметь крепкие ноги, чтобы бегать с одной работы на другую... Его боготворил ученик Прянишникова И. И. Гунар и нам, студентам, рассказывал о бесстрашии Сабинина, который возглавил борьбу с Лысенко. Он высмеивал безграмотность Трофима, деревенский стиль речи. «Вообще, — говорил Сабинин, — все агрономы пачкуны — грязно работают в науке...».

Сабинин подвергался слежке НКВД, и на кафедре в МГУ был человек, который перлюстрировал всю переписку Сабинина. Однажды он перепутал письма и вместо подлинника письма Сабинина вложил копию. Так, Е. Г. Минина, получив письмо от мужа, узнала, кто был стукачом на кафедре МГУ. Сабинин был не только веселым человеком, но и бесстрашным. Он мог в открытую говорить о несправедливостях в науке и в жизни, хотя у него было четверо детей. «А вот руки-то я Вам и не подам», — сказал Сабинин Жуковскому после его покаяния на сессии ВАСХНИЛ.

К сожалению, Сабинина не знают за рубежом, его книги не переведены на английский, хотя творческое наследие ученого огромно, и он, безусловно, был проводником в науке. Сабининские семинары в ИФРе, которые организовывал в 70–80-е годы Д. Б. Вахмистров, не только возрождали идеи Сабинина, но и показывали их современное развитие. Он создал концепцию физиологии корневого питания, развил идеи о росте и дифференцировке, предсказал наличие гормона клеточного деления и почти установил его химическую структуру. Многие завидовали славе Сабинина, его популярности среди студентов. Да, Сабинин был веселым человеком и высмеивал многих, за что многие его недолюбливали. Профессор А. А. Прокофьев писал, что у Сабинина было два счастливых дня в жизни: когда он пришел в ИФР и когда ушел из него.

Воспоминания о своем деду продолжала старшая внучка Сабинина Нина Глебовна Александрова. Ее рассказ о предках и родителях Сабинина, об отношениях деду с первой женой, т. е. с бабушкой, и со старшей дочерью Мариной — матерью Н. Г. Александровой заслуживают особой публикации вместе со сведениями о том разнообразном архивном материале, который связан с Сабининым и хранится у внучки. Будем надеяться, что все эти материалы сохранятся и послужат более полному освещению жизни и творчества этого замечательного человека, а воспоминания о нем внучки и данные о генеалогии семьи Сабининых, а также другие интересные сведения будут в будущем опубликованы.

Начальник лаборатории ОАО «Импульс» И. М. Чихачев вкратце напомнил об обстоятельствах знакомства в свои студенческие годы с Сабининым в Геленджике.

Выступавший отметил значимость знания жизни и творчества таких ярких личностей, как Сабинин, не только для полноты воспроизведения истории науки, но и для воспитания последующих поколений исследователей, способных противостоять произволу лженаучных авторитетов.

Директор ЦНСХБ В. Г. Поздняков продолжил тему значимости организации юбилейных мероприятий, особенно когда они проводятся не формально, а с искренним чувством признательности к заслугам и человеческим качествам юбиляра. Поздняков поблагодарил всех присутствовавших, особенно выступавших и организаторов заседания, за добрую память о Сабинине.

Особый интерес вызвала выставка трудов Сабинина, публикаций о нем, два фотомонтажа и другие материалы. Первый фотомонтаж о жизни и деятельности Сабинина был подготовлен сотрудниками Музея истории МГУ, второй — о заседании по случаю 110-летия ученого в ноябре 1999 г. — активом секции истории агронаук Национального комитета по истории науки и техники. Экспонаты выставки не только живо воспринимались, но и обсуждались. Так, заведующий отделом истории химии и биологии ИИЕТ РАН Э. Н. Мирзоян, обращаясь к монографиям Сабинина, показал, что их автор сумел предугадать основные пути развития физиологии, предсказать исключительную роль нуклеиновых кислот в синтетических процессах, создать схему строения мембран и мембранного транспорта веществ, выдвинуть гипотезу о существовании наряду с ауксинами и других гормонов роста, предвосхитив открытие цитокининов. Сабинин обосновал идею постоянного круговорота элементов питания в растении, поддержал концепцию регуляторов-антагонистов в учении о росте растений; сближая физиологию и генетику, он поставил вопрос об эндогенных ритмах у растений, определяемых генотипом. Выступавший заметил, что труды Сабинина свидетельствуют о его глубоких общебиологических познаниях и живом интересе к проблемам теоретической биологии. В частности, родившиеся у Сабинина в 1942 г. представления о сущности жизни удивительно перекликались со сделанными тогда же в эвакуации набросками В. И. Вернадского о ноосфере; этот высокий полет мысли двух теоретиков биологии был ответом на запросы науки, возникшие к тому времени.

Е. П. Нечаева представила на выставке копии некоторых своих архивных находок, связанных с биографией Сабинина. В том числе не публиковавшуюся ранее копию приказа от 25 августа 1948 г. о его увольнении из МГУ за проведение «активной борьбы против мичуринцев и мичуринского учения и необеспечение воспитания советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии». Ряд документов свидетельствовал об обращении Сабинина в судебные инстанции, чтобы оспорить решение издательства АН СССР от 23 октября 1950 г. о ликвидации уже набранного его учебника по физиологии растений и об отказе суда в этом иске. Тут же было письмо Сабинина к Н. С. Хрущеву по данному вопросу, оставшееся без ответа, а также ряд документов, связанных с работой профессора в ВИУА. При знакомстве с последними И. Л. Шедловская напомнила о том героическом подвиге, который совершила ее коллега и соратница О. М. Трубецкова, сохранившая не только названные документы, но и рукописи Сабинина, а затем с неимоверным упорством добывавшая их публикации по отдельным разделам рассыпанного в издательстве набора названного учебника.

На той же выставке были показаны немногие предметы из упоминавшейся выше коллекции тимирязевских приборов, собранной Сабининым, а теперь частично и временно находящейся в Кабинете истории Института физиологии растений РАН. В более полном виде, чем на выставке в ЦНСХБ, эта часть приборов демонстрировалась 4 июня 2001 г. в ИФР на Тимирязевских чтениях вместе с матери-

алами о роли Сабинина, а затем его учеников, по сохранению всей коллекции до начала 1970-х гг. Так ретроспективно пересеклись пути славных деяний двух физиологов разных поколений — К. А. Тимирязева и Д. А. Сабинина. А нам следует не только пользоваться результатами их творческого наследия, но и сохранять те материальные ценности, с помощью которых это наследие создавалось. Без исторической памяти и современные научные достижения не обретут будущего.

Литература

1. Сабинин Д. А. и его творческое наследие (по воспоминаниям современников) / Отв. ред. Ф. Э. Реймерс. Новосибирск, 1981.
2. Дмитрий Анатольевич Сабинин в воспоминаниях современников / Отв. ред. В. Н. Жолкевич. М., 1992.
3. Алехина Н. Д. Минеральное питание растений: взгляды Д. А. Сабинина и современные представления о функциональной роли корней // Вестник МГУ. Сер. биол., 1990, № 3. С. 55–61.
4. Сенченкова Е. М. «Делается дело орудиями и другими пособиями» // Наука и жизнь. 1969. № 4. С. 80–84.

О. Н. ЗЕФИРОВА, Т. В. БОГАТОВА, Н. И. БЫСТРОВА

КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ ХИМИИ КАК ОБЛАСТЬ НАУКИ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА» (к 100-летию со дня рождения профессора Н. А. Фигуровского (1901–1986))

26–27 ноября 2001 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН прошла конференция «История химии как область науки и учебная дисциплина», посвященная столетию со дня рождения выдающегося ученого, заслуженного деятеля науки и техники Российской Федерации Николая Александровича Фигуровского. Конференция была организована при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 01-06-85064). Ее организаторами стали химический факультет МГУ и ИИЕТ РАН — организации, плодотворной работе в которых Н. А. Фигуровский посвятил большую часть своей жизни.

Для участия в конференции было подано 56 заявок от исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Перми, Иванова, Астрахани, Владивостока, Якутска, Оренбурга, Тулы, Твери, Томска, Ростова-на-Дону и Саратова. На пленарном и трех секционных заседаниях присутствовало около 70 человек. К открытию конференции был выпущен сборник статей «История химии: область науки и учебная дисциплина» (отв. ред. акад. В. В. Лунин и д.э.н. В. М. Орел). Кроме того, сотрудники химического факультета МГУ подготовили выставку, посвященную научной и педагогической деятельности Н. А. Фигуровского. На выставке были представлены докторская диссертация Николая Александровича «Седиментометрический анализ и его применение»; его первые работы по истории химии; написанные им учебники и программы лекционных курсов в Московском университете, студенческие рефераты по истории химии (1950–1970-е гг.), авторами которых являются ныне известные профессора и преподаватели Московского университета. Часть выставки была посвящена деятельности Н. А. Фигуровского как популя-